

На разъезде где-то у сарая
Подхватил, понёс меня...

Николай Рубцов

Что представляла собой Вологда, пережившая в 1971 году смерть поэта Николая Рубцова?

Она была насквозь пропитана поэтическим духом Рубцова. Нередко можно было встретить идущего улицей человека, который, погружённый в себя, бормотал, как молитву, стихи Рубцова:

*Когда в окно осенний ветер свищет,
Вселяя в жизнь смятение и тоску,
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет,
Я уплыву за Вологду-реку...*

О Рубцове говорили на всех литературных посиделках, официальных или просто дружеских, художники, реставраторы, архитекторы, журналисты – все, кто имел и не имел отношения к творческой работе. Почти сразу же стихи Рубцова стали превращаться в песни. Не было такого самодеятельного композитора или исполнителя, кто не обратился бы к стихам Рубцова...

Правда, были и те, кто считал, что этот рубцовский бум скоро сойдёт на нет, как только забудется история его гибели.

Но вовсе не трагическая смерть поэта была причиной такой невиданной популярности в народе. Наверное, в поэзии Николая Рубцова прозвучали неслышные в обычном житейском шуме “таинственные звуки”, присущие истинной поэзии, на которые откликнулись души вологжан...

Были в ходу экспромты Рубцова и всевозможные истории о нём, ставшие легендами.

Например, про то, как Рубцов и Виктор Коротаев поздно вечером заявили на квартиру матери Виктора, жившей в то время в Череповце. Мать накормила поэтов и строго приказала им ложиться спать. И тут Коротаев, задержавшийся на кухне, перелезая через Рубцова, укладываясь спать, придавил последнего. Рубцов заворчал: “Ну, ты и медведь!”

– А слабо срифмовать прямо сейчас: “медведь” и “бухтеть”, – предложил Коротаев.

– Подожди минуту, – согласился Рубцов. И через минуту прочитал:

*Кто-то в верности партии клялся,
Кто-то резался с визгом в лото...
И стремительно прочь удалялся
Алкоголик, украсивший пальто...*

*В это время уснул Коротаев,
Как залёгший в берлогу медведь,
Потому что у строгих хозяев
До утра не позволят бухтеть...*

Друг мой, поэт Сергей Чухин рассказывал, как они с Николаем Рубцовым затеяли большой пеший переход от Вологды до Устюга. Здорово! Идти, любоваться природой, ночевать в крестьянских домах, слушая древние предания стариков. . .

Пошли к Василию Оботурову, бывшему в то время редактором “Вологодского комсомольца”.

— Как, Вася, одобряешь идею?

— Замечательная идея.

— Тогда выпиши нам командировки и дай денег на командировочные расходы. А мы тебе каждый день будем передавать репортажи, заметки, стихи. . .

— Вот с деньгами будет сложнее, — отвечал мудрый Оботуров. — Полагаю, деньги у вас кончатся в первые два-три дня. А как дальше? Предлагаю такой вариант. Я вам даю денег на два-три дня. Вы доходите до какого-нибудь почтового отделения, передаёте мне информацию, а я тут же телеграфирую вам перевод. И так пойдём по всей Вологодской области. Согласны?

Куда деваться? Пришлось согласиться.

И вот получили первый транш, как сказали бы сейчас, и вышли. . .

Через три дня раздаётся звонок.

— Вася! Деньги кончились. Телеграфируй.

— Где вы? Докуда дошли?

— До Прилук. . .

Прилуки были ближайшим пригородом Вологды.

А стихи всё же Рубцов написал:

*Топ да топ
От кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса...*

Особенно популярны были легенды, как Рубцов в Литинституте написал заявление после очередного конфликта:

*Возможно, я для вас в гробу мерцаю,
Но заявляю вам, в конце концов,
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю...*

И далее:

*Моё слово верное прозвонит!
Буду я, наверно, знаменит!
Мне поставят памятник на селе,
Буду я и каменный навеселе...*

И тост:

*За Вологду — землю родную —
Я снова бокал подниму,
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму.*

*И вновь будет дождик гизек литься,
Пусть всё это длится и длится!..*

Рубцова я видел всего раз в жизни, в 19 лет, когда только поступил на работу в Шекснинскую районную газету “Звезда”. Виктор Коротаев привёл в редакцию Сергея Чухина и Николая Рубцова. Они направлялись на дачу к Коротаеву и решили предложить свои стихи газете, чтобы оправдать будущие расходы.

Виктор стал настойчиво звать наших девчонок к себе посидеть у костра, послушать стихи. Но девчонки отказались ехать с ними. Меня не позвали, потому что я выглядел в ту пору несовершеннолетним юнцом: мне даже водки в магазинах не давали, если редакционные старики посылали меня в магазин.

Редактор газеты, фронтовик Дмитрий Константинович Стацев, сам писавший в альбом стихи и исполнявший их под гитару, с удовольствием принял стихи от молодых поэтов, тут же выписав им гонорар.

За Рубцовым уже тогда закрепились характеристика неприкаянного неудачника, скитальца, не имеющего собственного жилья, гонимого по жизни злым ветром невзгод. Шарфик, поношенное пальто, балеточка с нехитрым скарбом и стихами... Бутылка красного вина во внутреннем кармане. Человек, страдающий и терпящий невзгоды... А стихи его – плод этой неприкаянной жизни.

*А осенние листья вдоль по улице гулкой
Всё летят и летят, выбиваясь из сил...
На меня надвигалась темнота закоулков,
И архангельский дождик на меня моросил...*

Прошли годы, и, немного поразобравшись в жизни, я пришёл к мысли, что Рубцов был счастливым человеком. Ему открыты были небесные ворота. Поэзия давалась ему так же легко, как дыхание. И для счастья и самоутверждения ему не нужны были ни роскошные квартиры, ни пыжиковые шапки, ни дублёнки. Он оставался поэтом – “Божьей дудкой” – и в потёртом пальто, и раскисших от городского снега валенках.

Он не был обременён имуществом, квартирами, прочими атрибутами, указывавшими на то, что жизнь удалась.

И стихи его не были страданиями по поводу неудавшейся жизни. В своей поэзии он благодарил судьбу за счастье родиться “под куполом синих небес” и боялся только одного: “...как вольная сильная птица // Разбить свои крылья и больше не видеть чудес”.

Надо знать деревенский мир, его традиции, основанные на общинном самосознании. Сироты в деревне, каким и был Николай Рубцов, всегда были под опекой всего деревенского мира. И порой деревенским сиротам внимания и заботы оказывалось больше, чем собственным детям. И, видимо, поэтому поэзия Рубцова не обращена к собственным страданиям и обидам, она полна благодарности сельскому миру, его людям, своей малой родине...

Вслед за Рубцовым на вологодский поэтический небосклон стали одна за одной всходить поэтические звёзды молодых последователей его: Сергей Чухин, Николай Дружининский, Александр Швецов, Алексей Швецов, Николай Фокин, Лидия Теплова, Наталья Сидорова, Юрий Максин, Василий Мишенёв, Василий Ситников, Александр Пошехонов, Александр Брагин, Инга Чурбанова...

Василий Иванович Белов как-то в разговоре сказал, что в Вологде такое количество поэтов, причём поэтов самобытных, талантливых, что они могли бы составить славу любому европейскому государству. Однако вслед за восхождением на этот небосклон начался “звездопад”: молодые поэты уходили из жизни один за одним...

Есть в авиации понятие “спутного следа”, оставляемого большим самолётом, в который втягиваются и гибнут более мелкие летательные аппараты...

Такое ощущение, что промчавшаяся по небосклону звезда поэта Рубцова втянула в свой “спутный след” молодых последователей...

Трагически погиб Олег Кванинин, замёрзнув в снегу по дороге домой в свою деревню; умерли Вениамин Шарыпов из Череповца, Александр Швецов –

поэт-мыслитель из Сокола, лирик Николай Фокин, поэт-песенник Николай Дружининский, поэт Алексей Швецов... Художник Геннадий Осиев, создавший серию портретов Н. Рубцова, был убит ударом в сердце ножом женщиной, которую он собирался назвать своей женой... Литературный критик, биограф Рубцова Вячеслав Белков покочил жизнь самоубийством... Ушла из жизни невероятно талантливая поэтесса Лидия Теплова... В самом расцвете сил погиб Сергей Чухин, при невыясненных обстоятельствах погиб и Владимир Шириков, и, казалось бы, пышущий здоровьем Виктор Коротаев...

Складывается такое ощущение, что Россия приспала своих сынов, которые так любили свою родину и страдали больше других по поводу её неустойчива, что любовь эта оказалась смертельно опасной.

Я думаю, что поэты – это люди с особой, обнажённой нервной системой, которые ярче и острее чувствуют невидимые глазом волны вселенской гармонии. И если они чувствуют прежде всех грядущие потрясения, несущие хаос и разрушение гармонии и красоты, сердца их не выдерживают...

*С моста идёт дорога в гору,
А на горе — какая грусть —
Стоят развалины собора,
Как будто спит былая Русь, —*

написал Рубцов во время поездки с Сергеем Чухиным в Погорелово к родителям Сергея.

Чухин ответил удивительным по звукописи стихотворением:

*Только тянет меня к дому дорогому,
Тянет к маме, тянет к батю, тянет к братьям,
И ещё за окоёмом — речка Ёма,
За лесами, за горами палисадник...*

Сегодня остаётся горько сожалеть, что талант Чухина не получил такого звучания, как талант Рубцова. Хотя и тот, и другой – поэты Божьего призыва, как и следующие за ним поэты крестьянской лиры.

Однажды у меня в кабинете – я работал тогда в газете “Вологодский комсомолец” – собралась большая компания, пили вино, обсуждая литературные новинки, травили анекдоты.

Я сидел за машинкой, отстукивая материал, который нужно было сдать для газеты.

А тут споры, шум, дым коромыслом... Работать в такой обстановке трудно. Я потихоньку взял пишущую машинку и перебрался в пустовавший по соседству кабинет. Однако через пять минут в кабинете появился один, второй, третий полемист из моего кабинета. Скоро и все они перебрались сюда. Тогда я снова забрал машинку и ушёл к себе. Однако шум за стенкой скоро стих, и один за одним спорщики вернулись.

Я был в полном недоумении.

– Кто-нибудь объяснит, почему вы ходите за мной? Почему вам не сидится в пустом кабинете?

– Э-эх, – отвечал поэт Александр Александрович Романов, бывший в то время секретарём писательской организации. – Разница есть. Когда ты на машинке стучишь, то и мы как бы при деле. А без тебя – просто базар получается.

Тут на пороге появился Володя Шириков. В руках у него были две больших доски.

– Ты чего это с досками? – спросили его полемисты.

– А я хочу эти двери крест-накрест заколотить, чтобы вы Ехалову писать не мешали...

Поступок Ширикова оценили, но меньше в редакцию ходить и устраивать там литературные посиделки не стали.

Надо сказать, что при такой вот вольнице и редакционной демократии работалось чрезвычайно легко. Газета получалась интересной и читалась от корки до корки.

Особенно задушевная атмосфера устанавливалась в редакции по субботам. К середине дня газета уже была прочитана, ошибки исправлены, оставалось только подписать её в свет.

Я был в тот день дежурным редактором. Вижу: открывается дверь кабинета, и входит с большим пузатым портфелем Василий Васильевич Лукичёв, водитель грузовика из Череповца. Лукичёв писал стихи. И очень гордился этим. Каждую пятницу он объявлял коллегам в своей автоколонне, родным и близким, что везёт в Вологду рукопись поэмы. Незадолго до этого вышла книжка Александра Яшина с прозой, которая называлась “Босиком по росе”. Лукичёв написал поэму и назвал её по аналогии с яшинской книжкой “Босиком по душе”.

В поэме рассказывалось о судьбе деревни Бабино.

Тема хорошая. Но водитель Лукичёв не имел никакого таланта к стихосложению и писательству, поэтому его поэма представляла собой образец махрового графоманства. Об этом говорили все, кому Лукичёв давал почитать свою поэму. Но его это не огорчало. Ему важен был процесс общения с литераторами и писателями. В портфеле, кроме рукописи, он привозил бутылку водки и закуску для угощения писателей. Часто на этой рукописи и происходил пир, поэтому на ней густо присутствовали маслянистые пятна от селедки и винные следы.

Я взял полосу и пошёл в кабинет Ширикова, где уже собралась хорошая литературная компания. Лукичёв, прихватив портфель, пошёл за мною.

В это время у Ширикова зазвонил телефон. Звонил Валерий Николаевич Ганичев, бывший в то время редактором “Комсомольской правды”.

Володя выслушал собеседника и заверил его:

— Мы подумаем, что-нибудь и сообразим!

— Что-то случилось? — спросил я.

— Понимаешь, редактор всесоюзной молодёжной газеты, у которой самый высокий тираж в мире, не может своей жене купить шубу. Нет шуб в магазинах... Вот и звонит нам: нет ли каких-либо связей на пушно-меховых базах, чтобы шубу купить...

— Да-а, — сказал я грустно. — Непростая задача. У меня так точно никого и близко нет на подступах к таким базам...

И в это время оживился Василий Лукичёв.

— Шубу Ганичеву надо? Пусть Ганичев печатает в “Комсомолке” главу из моей поэмы, а я достаю ему шубу. У меня жена на пушно-меховой базе работает...

Все, кто был в кабинете и был знаком с творчеством Лукичёва, ахнули.

— Слушай, Вася! — дипломатично заговорил Шириков. — Это ж такая газета, её весь мир читает. А поэма у тебя, честно сказать, никуда не годная. Давай, хоть в “Комсомольце” у нас напечатаем главку, а ты достанешь шубу. Но и то, нужно, чтобы эту главу переписал настоящий поэт.

Тут в кабинете, поблескивая очками, слегка заваливаясь на бок, под весом большого портфеля, появился Сергей Чухин.

— Здорово, други! — поприветствовал Сергей кампанию, светло улыбаясь. — О чём грустим?

— Серёжа! Как ты кстати! Помоги достать для жены Ганичева шубу! Нужно у Лукичёва переписать для печати главку. Сделаешь? Мы тебе гонорара подкинем.

— Нет проблем! — охотно согласился Чухин.

Лукичёв распахнул свой портфель, и рукопись поэмы “Босиком по душе” переключала в портфель наследника рубцовской славы.

Тут они обнялись и отправились к Веденеевской бане отмечать сделку.

Сергей Чухин появился в редакции через месяц.

— Серёжа! Давай скорее главу... Ждём давно.

— Какую главу? — удивился Чухин.

— Лукичёвскую. Из поэмы. Ты ж её в свой портфель положил месяц назад.

— Не знаю я ни про какую поэму. А портфель свой я давно уже потерял.

Я не знаю, удалось ли достать через Лукичёва шубу, но многие вздохнули с облегчением, потому что поэма “Босиком по душе” была у Василия в единственном рукописном варианте. В редакции он больше не появлялся. Но спустя годы я оказался в немецком социальном институте города Бохум в составе официальной делегации. К нашему приезду было приурочено открытие авангардистской художественной выставки и собрания книг на русском языке. И каково же было моё удивление, когда я обнаружил среди книг поэму Василия Лукичёва “Босиком по душе”.

Позднее я узнал, что Лукичёв снова переписал поэму и, когда наступили “демократические” времена, продал свою легковушку и издал на вырученные деньги большим тиражом свою поэму. Никем не оценённую, конечно...

В 1977 году Володя Шириков оставил газету, подписав контракт на работу на острове Шпицберген в Северном Ледовитом океане, где была наша концессия по добыче арктического угля.

Семья нуждалась в деньгах, нужно было обставить новую квартиру мебелью, и он уехал в Заполярье за длинным рублём. И пробыл там два контрактных срока.

Однако семейная жизнь не задалась и с мебелью. Самому Володе мебель эта была не нужна. Володя был настоящим воином, этакий современный Пересвет, а литература того времени требовала именно воинского подвига. И, став секретарём писательской организации, он жил этой борьбой взахлёб, отдавая себя полностью работе и борьбе. И вологодские писатели, несмотря на то, что Володя был намного моложе большинства из них, подчинялись своему вожаку и, я думаю, любили его.

Он был великим организатором, во многом принеся в жертву общему делу свой литературный талант...

Ни одно сколько-нибудь значительное событие в жизни города, области, страны не проходило без участия вологодских писателей, которых словно звонарь на колокольне собирал вокруг себя Шириков.

Это и борьба за сохранение деревянной Вологды, и поход против переброски северных рек в волжский бассейн; и борьба с пьянством и алкоголизмом, которые, словно змеи, опутали Россию; и защита Василия Ивановича Белова, подвергнутого массовой травле в центральных органах печати за патристическую позицию, и защита Николая Бурляева, когда его громили за фильм “Лермонтов”.

У нас была в распоряжении всего лишь региональная газета “Вологодский комсомолец” против выходивших многомиллионными тиражами центральных изданий, которые начали погром русской культуры, нанося массированные удары по духовным лидерам страны: по Василию Белову, Сергею Бондарчуку, Виктору Астафьеву, Юрию Бондареву, Валентину Распутину, Николаю Бурляеву...

Особенно старались “Известия”, “Огонёк”, “Неделя”, “Искусство кино”... Этой массовой травле, схожей с нынешней ситуацией на Украине, противостояло лишь несколько молодёжных областных газет да журнал “Наш современник”. Большие партийные газеты трусливо поджимали хвосты.

Однажды Станислав Рассадин в еженедельнике “Неделя” написал раздражённо: “Может быть, кто-нибудь заткнёт эту газетёнку!” Он имел в виду “Вологодский комсомолец”.

Володя Шириков как-то на встрече с секретарём обкома партии, курировавшей идеологию Людмилой Ячеистойой, пришедшей в редакцию, сказал с большой озабоченностью: “Против России собираются огромные, хорошо организованные силы. Вброшены колоссальные деньги. Как устоять?” Реакции не последовало.

Эта озабоченность, похоже, была только у писателей. Партия словно впала в анабиоз, усыпленная демократическим бормотанием Горбачёва.

Тревога за судьбу Родины становилась день ото дня всё явственнее.

На пятидесятилетие Николая Рубцова Шириков смог договориться с Северо-Западным пароходством, предоставившим писателям комфортабельный теплоход “Александр Клубов” для поездки в город Тотьму, где должно было состояться открытие памятника поэту, созданного известным скульптором Вячеславом Клыковым на собственные средства.

Власти не обрадовались такой самостоятельности, для них Рубцов ещё вчера был человеком, который доставлял много хлопот, жизнь которого не совпадала с правилами советского общежития.

Володя в буквальном смысле “пробивал” этот памятник в обкоме. Компромисс был найден: памятник Рубцову ставили как бы на пробу – эскизный вариант.

Этот припозднившийся сентябрьский теплоход на Сухоне напоминал Ноев ковчег, собравший последних патриотов России. Кроме писателей на теплоходе плыли художники, самодеятельные артисты, журналисты...

Такое, по крайней мере, было у меня ощущение, когда в ночь на 20 сентября при возвращении в Вологду один из молодых поэтов, приехавший из

Москвы, из-за любимой девушки, ушедшей посидеть в компанию известного поэта Анатолия Передреева, выбросился в иллюминатор...

Была кромешная ночь. Пароход остановили. Все высыпали на борт. Проектор беспомощно шарил по свинцовой воде, ко всему пошёл неожиданно снег. Найти в этой преисподней человека, осознанно бросившегося за борт, казалось невозможным. Теплоход прошёл вверх, спустился вниз – всё тщательно...

Капитан удрученно обратился к Ширикову, который сам служил на флоте, правда, военно-морском.

– Искать нет никакого смысла. Скорее всего, он попал под винт и тут же ушёл ко дну...

– Будем искать до последнего, – упёрся Володя. – Мы своих не бросаем.

– Сейчас мы составим протокол и идём дальше, – сказал капитан, останавливая спор.

И тут Ширикова поддержал Белов:

– Мы никуда не уходим. Будем искать. Спускайте шлюпку.

Вмешательство Белова решило судьбу человека.

Без всякой надежды матросы спустили шлюпку и ушли в ночь.

Прошло всего минут пятнадцать, как удивлённые восклицания донеслись до теплохода.

– Живой!

“Утопленник” висел без сознания на бревенчатой обоневке плота с лесом. Выбраться на плот, видимо, у него не хватило сил.

Молодого влюблённого поэта подняли на борт, положили на палубу. На всём теплоходе не было ни грамма спиртного, чтобы оживить и растереть околоченного лирика. Писатели были трезвы, хотя, казалось, обстановка располагала.

Присутствие Василия Ивановича Белова на теплоходе, вместе с академиком Угловым возглавившего поход за трезвость России, создавало высокую нравственную атмосферу этой поездки.

А гигантскую державу, напоминавшую “Титаник”, тем временем несло на невидимый пока в тумане близкого будущего айсберг. Партийные органы словно рыли себя яму, отдавая предпочтение заведомым врагам СССР. Володя пригласил меня совместно делать газету Вологодской писательской организации “Эхо”, которая громогласно била тревогу о приближающейся катастрофе. У газеты был тираж 20 тысяч экземпляров в рознице, и разлеталась она в мгновение ока. У вологжан открывались глаза на события, происходящие в стране. Партийные органы старались не замечать ни газеты, ни её предупреждений.

Помню, в Вологодской филармонии проходил Секретариат Союза писателей СССР, инициированный Владимиром Шириковым, который поднимал самые животрепещущие вопросы современности. Был на нём и Юрий Черниченко, в последнее время активно доказывавший несостоятельность нашего сельского хозяйства и русской деревни. Черниченко в Вологде у писателей поддержки не получил, и он демонстративно покинул заседание и отправился в обком КПСС, где его приняли с распростёртыми объятиями и повезли по хозяйствам для сбора материала.

Прошло немного времени, и Володя встретил Черниченко в толпе ротозеев, пришедших поглазеть на расстрел Белого Дома из танков в октябре 1993 года... Шириков был среди защитников Верховного Совета, но по делам вынужден был на день оставить баррикады. Обратного он уже не смог пробиться к защитникам.

Шириков рассказывал мне, что Черниченко, увидев Ширикова, зло процедил сквозь зубы: “Скоро мы будем вашей мясо-костной мукой удобрять поля Европы...”

Нужно было научиться жить в новой реальности, в новой России, превратившейся в одночасье в колонию Соединённых Штатов, в которой уже не было собственного правительства, а была лишь колониальная ельцинская администрация, действовавшая под контролем советников из США.

Владимир Шириков в последние годы его удивительной, подвижнической жизни стал большим моим другом.

Володя жил весь в борьбе.

– Ничего, ничего, – говорил он мне при встрече. – Мы ещё поборемся, стоим за святую Русь. Ещё не вечер.

Он по-прежнему издавал газету, но уже сменившую издателя.

“Эхо земли” называлась эта газета. И он отдавался ей полностью, внушая людям веру, что Россия выстоит, научится жить своим умом и вернёт свои завоевания людям.

А дома у него начался распад. Кстати, Шириков легко мог бы стать удачливым бизнесменом. Его энергия, стратегический ум, знакомства и связи позволили бы собрать немалое состояние.

Но куда деть при этом душу и совесть?

Володя оставил семье квартиру и всё, что смог заработать, и ушёл в никуда. Лето он жил в Усть-Кубенском районе в заброшенной деревне. Я бывал у него там не раз.

Как-то приехали японцы, занимавшиеся русской литературой. Володя привёз их на своей машине. До деревни было всего километров восемьдесят, но это путешествие, где километров пятнадцать были обыкновенным деревенским просёлком, произвело на японцев потрясающее впечатление. Они решили, что вологодский друг завёз их на край света. Деревня и впрямь стояла у самого леса, скрытая от глаз травами выше человеческого роста.

Японцы проголодались, а у хозяина продуктов с собой не было. Но обед образовался сам собой. Володя принёс от куриц со двора решето яиц, сбегал на десять минут в лес и притащил десятка два белых грибов, накопал картошки, нарвал луку, зелени, покрасневших помидоров, огурцов в теплице — и через полчаса обед был готов.

Осенью Володя пришёл ко мне в ночлежный дом, который я открыл для бездомных. Я выделил ему целую комнату. Вещей у него не было, кроме книг преимущественно философского, публицистического характера да собраний сочинений Ленина и Сталина. Надо сказать, что вологодские бомжи до сих пор пользуются этой библиотекой.

Потом Володя нашёл работу в Прилуцком монастыре и стал жить в келье. Он ещё успел получить от государства маленькую квартирку на улице Герцена. В этой квартирке и нашли его вскоре мёртвым в наполненной водой ванне...

Странная это была смерть, загадочная. Экспертиза констатировала останков сердца в результате отрыва тромба. Хотя у Ширикова было много недругов...

До того он ездил на Алтай участвовать в выборной кампании губернатора Алтайского края, поддерживая председателя Аграрной партии Михаила Лапшина. Шириков выпускал на Алтае предвыборную газету. У противоположной стороны были большие деньги и возможности. У Ширикова были факты и аргументы...

И были документы с разоблачениями, которые не были использованы. Об этом он как-то обмолвился мне.

Когда хоронили Виктора Коротаева, Володя, стоя у могилы, повернулся ко мне:

— Знаешь, эта яма уже не страшит. Может быть, время подошло. Я думаю, недолго и мне топтать эту палубу...

— Ничего, ничего, — отвечал я. — Ещё не вечер...

Сегодня, спустя столько лет, когда всё же Россия начала подниматься с колен, я снова повторяю, обращаясь к нему, невидимому, страстно верившему в возрождение:

— Ничего, ничего, Володя... Пробьёмся!